

И. В. Поздеева, А. А. Турилов

«ТЕТРАТИ... ПЕЧАТЫ В КАЗАНЬ»
(к истории и предистории казанской типографии)¹

Когда же типография, возвращенная в Москву из Казани в 1620 г. оказалась на волжских берегах? Конечно, соблазнительно было бы предположить, что это случилось уже в 1550-х г., и печатня с момента возникновения работала в Казани: недаром Иван Федоров в послесловии к Апостолу 1564 г. в качестве одной из причин создания типографии называет потребность «новопросвещенного города» и его епархии в богослужебных книгах². Проще всего, казалось бы, удовлетворить эту потребность, организовав печатание книг прямо на месте. Ясно, однако, что такое предположение не может быть принято. Хотя графические материалы обеих Триодей имеют наименьшее число примеров взаимодействия с другими анонимными изданиями³, связь между ними на уровне одного города не подлежит сомнению. В пользу этого говорит хотя бы соседство на одной странице рукописного Евангелия середины XVI в. библиотеки Московской Синодальной типографии (РГАДА. Ф. 381. № 183. Л. 317)⁴ плетеного инициала «В» из Триоди Цветной и заставки из среднешрифтной Псалтыри. При таком допущении следовало бы считать, что с Казанью связаны все или значительная часть безвыходных изданий. Это, однако, представляется невозможным в принципе. Книгопечатание было слишком важным предприятием, чтобы верховные московские власти могли оставить его без постоянного наблюдения и контроля (по крайней мере, на первых порах), а контроль легче всего было обеспечить над печатней, находившейся в столице. В этом

¹ Начало статьи см.: Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2001. № 2(4). С. 37–49.

² См.: Щепкина М. В. Переводы предисловий и послесловий первопечатных книг // У истоков русского книгопечатания. С. 216, 217.

³ Триодь Постная в каком-то отношении стоит среди анонимных изданий еще более изолировано, чем Цветная. Если связь Цветной Триоди с остальными изданиями устанавливается на основании употребления в одной рукописи (см. ниже) инициала из этой Триоди вместе с заставкой из среднешрифтной Псалтыри, то заставка из Триоди Постной встречается в двух рукописях XVI в., лишь предположительно (хотя вероятность такого отождествления и весьма велика) происходящей из Цветной Триоди (см.: Немировский Е. Л. Возникновение книгопечатания в Москве. С. 194, 258–260); как известно, и утраченный шаповский экземпляр, и керженский фрагмент не имеют начала, где располагалась заставка. Остальные анонимные издания связаны между собой (в том числе и за счет орнаментики) более тесно (Там же. С. 258–260). Другие примеры связи Триодей с остальными анонимными изданиями (за исключением сходства приемов двухцветной печати в узкошрифтном Евангелии и в начале и конце Триоди Постной) менее тесны и показательны, ограничиваются репликами орнаментального материала. Выше уже говорилось, что ломбарда Б в «казанских тетрадах», возможно является репликой аналогичной ломбарды в Триоди Постной; в свою очередь, плетёный инициал В в широкошрифтном Евангелии, возможно, упрощенная реплика инициала Триоди Цветной (См.: Там же. С. 246).

⁴ Немировский Е. Л. Возникновение книгопечатания в Москве. С. 194; Протасьева Т. Н. Описание первопечатных русских книг // У истоков русского книгопечатания. С. 158.

убеждает и вся позднейшая история типографского дела в Московской Руси. Александрова слобода, где трудился Андроник Тимофеев в 1577 г., была опричной столицей Ивана IV, попытка организации типографии в Нижнем Новгороде приходится на Смутное время и вызвана невозможностью работать в разоренной Москве, печатня в Валдайском Иверском монастыре была создана по инициативе «Великого государя» патриарха Никона.

Вероятнее всего, «штанба» была перевезена в Казань во второй половине 1560-х г. Однако, о наличии в городе печатного двора ничего не сообщает писцовая книга 1566–1568 г., при том, что церковное и хозяйственное имущество архиерейского дома и кремлевского Спасо-Преображенского монастыря, где, скорее всего, могла бы располагаться печатня, описано достаточно подробно⁵. Нет сведений о типографии и в писцовой книге 1565–1567 г. соседнего с Казанью Свияжска⁶, официально являвшегося вторым центром новосозданной епархии⁷. Едва ли столь важное дело, как типография, могло быть начато в Казанской епархии где-либо, кроме этих двух мест. Тому факту, что среди жителей обоих городов книгопечатники не упомянуты, не следует придавать особого значения, поскольку печатниками могли быть священно- или церковнослужители, именно так и указанные в писцовых книгах. В то же время нет, кажется, оснований отодвигать переезд типографии из Москвы в Казань на много лет от времени составления писцовых книг, приурочивая его, например, к моменту возведения местной епархии в ранг митрополии (1589 г.). Если бы типографское оборудование анонимной печатни продолжало оставаться в Москве, ничто не мешало бы использовать его при устройстве в марте 1568 г. типографии Никифора Тарасьева (Тарасиева) и Невежи Тимофеева. В пользу раннего переезда, скорее всего, свидетельствует и присутствие старой бумаги в казанском памятнике — в столице она вряд ли могла сохраняться два десятилетия⁸. Непосредственным поводом к переезду могло явиться то обстоятельство, что с 1564 г. в столице успешно выпускала свою продукцию типография Ивана Федорова и Петра Мстиславца и вторая штанба становилась здесь излишней. В таком случае переезд печатни (возможно, лишь с частью шрифтов и оборудования) следует датировать 1565–1568 г., верхнюю границу определяет дата ухода из Москвы Ивана Федорова и Петра Мстиславца (после чего анонимная типография снова переставала бы быть здесь «лишней»), но и сама эта дата устанавливается недостаточно точно (хотя скорее всего, это событие произошло не позднее конца 1567 г.)⁹. Дате 1565–1567 г. не противоречит и старая бумага казанского издания (см. выше), и даже отсутствие упоминания в писцовой книге (к началу работы над которой оборудование могло еще просто не доехать до Казани или еще не было в работе).

⁵ См.: Невоструев К. И. Список с писцовых книг по городу Казани с уездом. Казань, 1877.

⁶ Список с писцовой и межевой книги города Свияжска и уезда. Казань, 1909.

⁷ Тихомиров М. Н. Россия в XVI столетии. М., 1962. С. 480–481.

⁸ Известно, что запасы бумаги, использовавшиеся, помимо книгопечатания, для делопроизводства и книгописания, могли по мере надобности передаваться из одного ведомства в другое. Характерный пример в этом отношении являет использование части бумаги, на которой написан Лицевой летописный свод, для печатания книг в Александровой слободе в 1576–1577 г. Андроником Тимофеевым Невежей (см.: Клосс Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII вв. М., 1980. С. 245–249).

⁹ Г. Я. Голенченко датирует отъезд Федорова и Мстиславца из Москвы поздней осенью или ранней зимой 1565 г., исходя из того, «что печатники были представлены королю Сигизмунду-Августу, вероятнее всего, на Виленском сейме, закончившемся 11 марта 1566 г.» (Голенченко Г. Я. Русские первопечатники и Симон Будный // Книга: Исследования и материалы, 1965. Сб. 10, С. 146–161). Е. Л. Немировский относит отъезд к весне – лету 1566 г., основываясь на том, что не позднее 10 сентября этого года некие Иван и Иванко (в последнем исследователе склонен видеть несовершеннолетнего сына Ивана Федорова) в числе других выходцев из Московского государства получили от короля по два золотых (Немировский Е. Л. Иван Федоров. С. 118). В последнем случае настораживает отсутствие в перечне имени Петра (Мстиславца) – известно, что до отъезда Федорова во Львов мастера обычно держались вместе. Иван (в отличие, скажем, от начинающего этот перечень Солтана), без каких-либо определяющих признаков, – слишком распространенное имя, чтобы лишь на этом основании делать столь ответственное заключение. Верхняя граница отъезда определяется началом работы типографии Никифора Тарасьева (8 марта 1568 г.), организация которой неминуемо должна была занять несколько месяцев.

Находка казанского издания и отождествление его шрифта с одним из шрифтов анонимной типографии позволяют внести коррективы и в интерпретацию известия о сгоревшей в Москве типографии, имеющегося в записках о Московии А. Теве (1584) и Дж. Флетчера (1589). Я. Д. Исаевич, рассматривая вероятность того, что речь может идти о типографии Ивана Федорова и Петра Мстиславца, предложил следующие возможные версии:

- 1) сведения о сгоревшей типографии относятся не к «штанбе» Ивана Федорова, а к анонимной типографии, либо к печатне, основанной Никифором Тарасьевым и Невежей Тимофеевым;
- 2) речь идет о типографии Ивана Федорова и Петра Мстиславца, но при пожаре удалось спасти часть ее оборудования: шрифты (или, по крайней мере, пунсоны) и часть гравировальных досок¹⁰.

В момент издания книги Я. Д. Исаевича варианты с анонимной типографией и печатней Никифора Тарасьева выглядели абсолютно равноценными, т. к. о позднейшем использовании их печатных материалов ничего не было известно. Ныне же, с изменением ситуации, «штанба» Никифора Тарасьева и Невежи Тимофеева выглядит наиболее вероятным кандидатом на роль «погорельца». Но так как дата пожара (хотя бы год его) остается по-прежнему неизвестной, а сообщающие о нем источники можно квалифицировать как современные лишь с натяжкой (хронологически разрыв между событием и фиксацией известий о нем даже у Теве приближается к 20 годам), нельзя не упомянуть и другие вполне возможные версии:

- 1) анонимных типографий было несколько (не менее двух), и сгорела одна из них, тогда как другая была отправлена в Казань¹¹.
- 2) часть оборудования типографии (один из шрифтов и доски с ломбардами) были отправлены в Казань до пожара.
- 3) по аналогии с предположением Я. Д. Исаевича — известие относится к анонимной типографии, часть оборудования которой удалось спасти.

Все эти версии роднит между собой ранняя датировка пожара, который произошел, очевидно, не позднее 1567 г. — времени начала деятельности «штанбы» Никифора Тарасьева.

Замысел создания печатного двора в Казани, по всей видимости, входил в систему мероприятий правительства Ивана IV, направленных (наряду с русской колонизацией региона) на упрочение позиций Российского государства в Среднем Поволжье путем создания прослойки местного христианизированного населения. С этой целью в 1555 г. была образована новая Казанская епархия (при этом с весьма высоким рангом), велось активное церковное и монастырское строительство (хорошо заметное уже по писцовым книгам Казани и Свияжска 1560-х г.), что вызывало в свою очередь потребность в книгах, необходимых для богослужения (здесь еще раз стоит упомянуть свидетельство Послесловия к Апостолу 1564 г.). В таких условиях на новом месте привезенную из Москвы «штанбу», казалось, должно было ожидать блестящее, весьма продуктивное будущее, однако этого не случилось. Анонимную типографию в Казани постигла судьба других российских книгопечатен этих лет. В настоящее время невозможно сказать, приступила ли она вообще к работе на новом месте, или же ее оборудование в течение 15–20 лет так и оставалось нераспакованным. До находки керженского фрагмента анонимной Триоди Цветной, располагая лишь иллюстративными материалами А. Е. Викторова, нельзя было в принципе исключать возможности издания в Казани также и этой книги, поскольку для нее (единственного из исследованных им анонимных изданий) А. Е. Викторов не указал водяных знаков. В Керженском

¹⁰ Исаевич Я. Д. Першодрукар Иван Федоров і виникнення друкарства на Україні. Львів, 1983. Вид. 2. С. 38.

¹¹ Бударягин В. П. Фрагмент утраченного безвыходного издания Триоди Цветной в рукописи XVI в. С. 273; Ср.: Кичина О. Н. Филигранологические исследования безвыходных московских изданий // Федоровские чтения. 1983. М., 1987. С. 137, 156.

отрывке использована бумага лишь одного сорта — с водяным знаком «кораблик» («каравелла»), известным и по другим анонимным изданиям¹². Триодь Цветная не может, таким образом, быть моложе Службы Казанской иконе¹³, при этом нет сомнений, что издания печатали разные мастера: слишком значительна разница в уровне исполнения, к тому же в более позднем из этих изданий использованы более архаические приемы двухцветной печати. Печатникам казанских «тетрадей» явно приходилось осваивать типографское искусство заново, методом проб и ошибок, в миниатюре повторяя поиски своих московских предшественников середины века.

Перерыв в деятельности анонимной типографии в сочетании с давно известными фактами из истории отечественного книгопечатания — отъездом из Москвы Ивана Федорова и Петра Мстиславца и недолгой деятельностью печатни Никифора Тарасьева — явно свидетельствует об утрате московскими властями во второй половине 1560-х г. интереса к книгоизданию, хотя причины этого охлаждения к новшеству и конкретные его проявления, по всей видимости, навсегда останутся в области гипотез.

«Беспечатный» период, видимо, продолжался в Москве около двух десятилетий — до 1589 г., когда здесь возобновилась издательская деятельность, ставшая с тех пор (за исключением периода 1611–1614 г.) практически бесперебойной. Вероятно, к этому же времени следует отнести и возобновление (или начало) деятельности печатни в Казани. По времени это совпало с учреждением Патриаршества в России и с возведением Казанской епархии в ранг митрополии. Представить, что типография могла действовать в Казани, когда ее не было в Москве, чрезвычайно трудно. Правда, как уже говорилось, в 1577 г. на короткое время приступает к работе печатный двор в опричной столице Ивана Грозного — Александровой слободе, но приурочить возобновление или начало работы Казанской типографии к этому событию нет достаточных оснований. «Тетради» — явно первое издание казанского печатного двора (как по бумаге, так и по полиграфическим приемам), к тому же оно не могло выйти в свет раньше последних месяцев 1579 г. Между тем события последнего этапа Ливонской войны, исключительно неблагоприятного для Московской державы, явно не способствовали подобного рода предприятиям — возможно, именно этим вызвано прекращение деятельности Слободской типографии. Таким образом, как бы ни хотелось видеть в издании Службы Казанской иконе непосредственный отклик на явление чудотворного образа, увидевший свет сразу после события (как полагал А. А. Турилов в первой заметке о «казанских тетрадах»), от этой идеи, безусловно, следует отказаться. Вероятнее всего, книгопечатание в Казани возродилось примерно в те же годы, что и в Москве, где это произошло в 1588 г. Для епархии, как уже было сказано, возведенной с учреждением в России патриаршества в ранг митрополии, дополнительное прославление одной из главных святынь (которыми она была пока небогата), оказывается весьма актуальным. Тем более, во главе епархии встал человек, причастный к судьбе святыни с момента ее явления — митрополит Гермоген (возведен в архиерейское достоинство 13 мая 1589 г.). Поэтому середина 1589–1590 г. представляется наиболее вероятным временем возобновления деятельности анонимной типографии. У нас также нет оснований категорически отвергать и возможность перевоза «штанбы» в Казань по инициативе новопоставленного архиерея и немедленное начало ее деятельности на новом месте. С этим вполне согласуется и дата вклада «тетрадей» в Сольвычегодский Благовещенский собор, как уже говорилось, между февралем 1589 и февралем 1604 г. Столь скромный вклад, как тридцатилетнее издание (сделанный хотя и слугой, но не чьим-нибудь, а Никиты Строганова), имел, разумеется, смысл и ценность в качестве новинки; не будь этого вклада, ктитору собора в силу своего положения и связей, несомненно, вскоре получили бы издание другим путем.

¹² См.: Виктор А. Е. Описание безвыходных печатных книг. С. 89–91.

¹³ Текст Службы по Казанскому экземпляру издания XVI века будет опубликован в следующем номере журнала.

Но, как это ни парадоксально после всего сказанного выше, в настоящее время нет полной уверенности в том, о каком именно издании идет речь в Сольвычегодской описи.

В том же 1987 г., когда В. П. Бударягин получил драгоценный том Триоди Цветной с фрагментом одноименного безвыходного издания, И. В. Поздеевой посчастливилось найти в Казани (как причудливо тасуется колода!) второй экземпляр Службы Казанской иконе, проливший новый свет на историю казанского книгопечатания и судьбу анонимной типографии, но отнюдь не упростивший, а пожалуй, еще более осложнивший ситуацию.

Памятник находится в составе сборника-конволюта конца XVI — начала XVII в. из коллекции Государственного объединенного музея республики Татарстан в Казани, (№ 9475), в котором занимает первые 28 листов¹⁴. Первоначально издание состояло, очевидно, из 30 листов, из которых утрачены первый и последний¹⁵.

Уже беглого знакомства с казанской находкой достаточно, чтобы убедиться, что речь идет не просто о втором экземпляре, а о другом издании Службы Казанской иконе, отличном от содержащегося в синодальном конволюте. При этом новое издание почти на равных правах с описанным выше может претендовать на то, что в Строгановской описи упомянуто именно оно. Для краткости в дальнейшем будем именовать их по месту хранения экземпляров изданиями Синодальным (С) и Казанским (К).

Текст Службы в К, как и в С, отпечатан размером в четвертую долю листа. Размер полосы набора варьируется достаточно широко: 82/95 x 135/142 мм. Набор везде по 14 строк, только на л. 3а, в середине нижнего поля вынесены (в качестве дополнительной, короткой, 15-й строки) два слова, завершающие текст: «д(у)шам н(а)шим». Дважды на внешнее поле (обороты л. 7 и 26) вынесены указания гласа. В первом случае вынесено слово «глас» в сокращении: три буквы и выносное С под титлом; номер гласа не пропечатался, ниже виден лишь знак титла. Во втором случае на поле вынесена только цифра под титлом, а слово «глас» находится в строке.

Высота 10 строк шрифта немного варьируется в зависимости от качества набора: 102—103 мм. В отличие от С, в К нет ни сигнатур, ни нумерации листов, хотя нижнее поле экземпляра достаточно велико 18—26 мм (увеличивается от обреза к корешку). Боковые поля — от 16 до 32 мм.

Шрифт, которым напечатано К, идентичен шрифту С, подробно описанному выше (и, соответственно, анонимной Триоди цветной). Для обоих памятников характерны одни и те же принципы использования узких и широких вариантов букв, те же надстрочные буквы и знаки, те же варианты букв с укороченными штампами. Как и в С, в К прежде всего бросается в глаза особенность, делающая шрифт Триоди Цветной оригинальным и неповторимым — ромбическое завершение средника строчной «З» и рисунок «З» надстрочной.

Оба известных теперь экземпляра «казанских тетратей» совершенно идентичны по содержанию, которое является фактически ядром службы явлению Казанской иконы (канон и стихиры), по началу и по концу всех наборных полос, но представляют два совершенно самостоятельных набора и издания.

Если все полосы С и К совпадают, то набор практически всех строк внутри полос различен. Прежде всего в К в ряде случаев добавлены сведения, помогающие людям, ведущим службу:

¹⁴ Впервые о сборнике упомянул в печати А. И. Рогов, работавший с рукописями этого собрания в конце 1950-х г. Но он не обратил внимания на дефектный печатный текст в начале книги, ограничившись указанием на входящие в кодекс рукописные Сказание о Казанской иконе и житие Прокопия Устюжского (см.: Рогов А. И. Русские рукописи Государственного музея Татарской АССР в Казани // Археографический ежегодник за 1959 г. М., 1960. С. 312).

¹⁵ Между авторами статьи нет единого мнения по поводу того, что представлял собой последний лист брошюры, утраченный в обоих экземплярах. И И. В. Поздеева, и А. А. Турилов предполагают, что он не имел текста. Но А. А. Турилов не исключает также возможности, что там мог находиться текст молитвы после канона.

например, приведены начала «подобнов». Если С напечатано достаточно небрежно, настолько, что даже оставляет ощущение пробного экземпляра, то некоторых, явно видных в нем типографских погрешностей в К нет совсем, или же их гораздо меньше. Например, в К мало отмарок пробельного материала. Однако в К, в отличие от С, пожалуй, нет ни одной полосы с умелой выключкой строк. По правой стороне полос строки постоянно различаются по длине, нередко весьма существенно — до 20 мм. Так, на полосе 13а их длина от 68 до 87 мм, на полосе 23а — от 70 до 90 мм. Изредка наборщик раздвигает слова в особо коротких строках, но только там, где начинается новое предложение (Л. 19 об., 20, 25). Лишь 3–4 раза наборщик добивается достаточно ровного окончания строк. Например, 12 строк на л. 18а имеют по 85 мм и две (третья и двенадцатая) — соответственно 70 и 72 мм. В целом набор производит впечатление, что задача выровнять правую сторону полосы просто не ставилась.

Постраничная сверка С и К показала значительные и повсеместные расхождения в орфографии набора, использовании У и диграфа ОУ, строчных и надстрочных знаков, употреблении киновари, несовпадении многочисленных ошибок, сделанных в тексте изданий. Принципиальным различием является и то, что если в С большинство слов разделены, то в К разделение слов в строке отсутствует. Буквы в К нередко плохо пропечатаны, что создает иллюзию необъяснимых ошибок, например, слово «духомъ» читается как «дуломъ» (Л. 28). Возможно, это объясняется плохой сохранностью части литер, что, в свою очередь, говорило бы о многом, но такие выводы сейчас делать рано. Многочисленны, хотя и непоследовательны примеры расхождения в графической передаче звука «у»: на роукоу (С) — на руку (К, 3а); и чтоуть (С) \ и чтуть (К, 7 об.); боудеть (С) — будет (К, 5 об.); боудут (С) — будут (К, 5 об.); разоум (С) — разум (К, 6 об.); усвоиши (С) — оусвоиши (К, 8).

В качестве примеров расхождения набора можно указать: ко мнѣ (С) — комнѣ (К, 5 об.); никто ж (С) — никтоже (К, 5 об.); проидет (С) — проидеть (К, 5 об.). Кроме того, в издании К, в котором обычно, как уже было сказано, отсутствует деление на слова, встречаем ничем не оправданные разделения: еу(ан)г льских (Л. 8) и т. п.

Наиболее же существенное отличие К от С состоит в том, что в К помещены три инициала в тех местах, где в первом издании находятся ломбарды (в К не применяющиеся). Инициалы И, Б и П начинают паремийные чтения Службы (Л. 4 об., 5 об. и 6), между указанием на прокимен дню и стихирами на литии: Бытие XXVIII, 10–17 («Изыде **И**аковъ **ѿ**т стѣденца кл/**ѿ**т / веннаг(о)...»); Иезекииль XIII, 27 – XXIV, 4 («Будет **ѿ**т дне осмаг(о)» и прочее...); Притчи Соломоновы (в тексте Службы ошибочно указано «Прем(у)дрость») IX, 1–II («Пром(у)дрость¹⁶ созда себѣ храм...»). Размер инициалов: у «И» левая вертикаль наполовину срезана, высота основного контура 21 мм, с отростками — 28 мм, сохранившаяся ширина: основного контура — 12 мм, с отростками — 16 мм; инициал «Б», соответственно, 25/36 × 17/24; П — 28/28 × 22 (низ) / 28 (верх). Первые два инициала значительно выходят за линию набора, особенно «И», который при обрезке полей утратил левую половину левого штамба. Инициал П, напротив, почти не выступает за край полосы: для его постановки три строки (5–7) укорочены на 7 букв, и буква красиво и грамотно «уравновешена» на странице.

Инициалы К — еще одна неожиданность, свидетельствующая, что в истории анонимной типографии остается достаточно белых пятен. Таких инициалов нет ни в Триоди цветной (во всяком случае, в дефектном щापовском экземпляре и в керженском фрагменте), ни в других безвыходных изданиях; о позднейшей печатной продукции XVI — начала XVII в. говорить излишне. При этом практически нет сомнений, что инициалы эти сохранились от первоначального оснащения типографии,

¹⁶ В тексте четко видно, что использована в приставке буква «о».

а не были выполнены специально для издания К. Хотя в инициалах Б и П видны тонкие отростки прекрасной сохранности, чего явно не могло быть в случае многократного использования досок, это не может служить препятствием для подобного предположения. Декор всех анонимных изданий использовался, видимо, непродолжительное время, и гравированные доски могли достаточно хорошо сохраниться¹⁷. Более существенно то обстоятельство, что инициалы К достаточно архаичны даже для середины XVI в. — времени появления первых «анонимных» изданий. Они выполнены в чисто неовизантийском стиле (И и П с построением вертикалей из «суставчатых» элементов, Б — с элементами плетения и стилизованными растительными отростками), получившем новое рождение¹⁸ в орнаментике русской рукописной книги с рубежа XIV—XV в.¹⁹, но особенно широко распространившемся с последней четверти XV столетия. В XVI в. этот стиль сосуществует со старопечатным (получившим в Московской Руси распространение, как известно, еще до начала книгопечатания)²⁰, известны (и даже нередки) случаи их употребления совместно в одной и той же рукописи. Однако уже после середины XVI столетия нововизантийский стиль заметно сдает свои позиции старопечатному. Примеров использования нововизантийского стиля орнаментики (кроме инициалов казанского экземпляра) для оформления печатной книги в восточно-славянской типографской практике неизвестно²¹. Определенную аналогию можно увидеть в применении в изданиях 1550-х—1560-х г., тоже в очень ограниченных масштабах, инициалов плетеного балканского стиля²², связанного также с более ранней рукописной традицией²³. Таковыми являются плетеные инициалы «В» в анонимной Триоди Цветной, широкошрифтных Евангелии и Псалтыри²⁴,

¹⁷ Разумеется, возможность скорой изнашиваемости досок нельзя исключать полностью, и анонимные издания дают тому примеры: дефекты заставки среднешрифтной Псалтыри сравнительно со среднешрифтным Евангелием (Зернова А. С. Начало книгопечатания в Москве и на Украине. М., 1947. С. 15, 16; Лукьяненко В. И. Первопечатная московская Псалтырь в ГПБ в Ленинграде // Книга: исследования и материалы. М., 1964. Сб. IX. С. 114), увеличение трещины в заставке узкошрифтного Евангелия сравнительно со среднешрифтным (Лукьяненко В. И. Первопечатная московская Псалтырь в ГПБ в Ленинграде. С. 122, рис. 6) и т. п. Но в этих случаях речь идет об изданиях, печатавшихся значительными тиражами, когда доски испытывают длительную нагрузку. Инициалы К могли быть изготовлены в 1560-х и по каким-то причинам не использоваться.

¹⁸ С незначительными вариациями он характерен для древнерусских рукописей XI—XII в. — достаточно близкие аналогии инициалам казанского экземпляра обнаруживаются и в греческих рукописях этого времени. Ср., например, инициал Д в греческом Евангелии XI в. из библиотеки Рильского монастыря, № 8 (Джурова А. 1000 години българска ръкописна книга. София, 1982. Табл. XV, №231). См. также: Неволин Ю. А. Описание украшений южнославянских и древнерусских иллюминированных рукописей по XIV в. включительно // Методическое пособие по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. М., 1973. Вып. I. С. 173—174.

¹⁹ См.: Костюхина Л. М. Неовизантийский орнамент // Древнерусское искусство: Рукописная книга. М., 1974. Сб. 2. С. 265—295.

²⁰ См.: Зацепина Е. В. К вопросу о происхождении старопечатного орнамента. // У истоков русского книгопечатания. С. 101—154; Немировский Е. Л. Возникновение книгопечатания в Москве. С. 112—144; Дианова Т. В. Старопечатный орнамент // Древнерусское искусство. С. 296—335.

²¹ Один из наиболее поздних (возможно, провинциальных, что, однако, не сказалось на качестве выполнения) примеров употребления неовизантийского стиля на равных правах со старопечатным наблюдается в инициалах (каждый приводится в двух стилистических вариантах) Азбуки-прописи кон. XVI или рубежа XVI—XVII вв. из собрания Королевской библиотеки в Копенгагене (Ny kgl Saml. 613,8°) — см.: Сване Г. Славянские рукописи в Копенгагенской королевской библиотеке. Срепengage, 1993. С. V.

²² В этом существенное отличие московской книгопечатной традиции от южнославянской (венецианской, валахской, трансильванской и малых сербских типографий XVI в.), где орнаментика, восходящая к местной рукописной книге, играла, наряду с западноевропейской по происхождению, весьма существенную роль, будучи представлена, правда, образцами плетеного балканского стиля (см: Медаковић Д. Графика српских штампаних књига XV—XVII века. Београд, 1958). Балканским стилем ограничивается и орнаментика краковских изданий Швайпольта Феоля (см.: Немировский Е. Л. У начала славянского книгопечатания. М., 1971. С. 114—116, 158—160, 170—172).

²³ О балканском орнаменте в рукописях см.: Шульгина Э. В. Балканский орнамент // Древнерусское искусство. С. 240—264.

²⁴ В Евангелии и Псалтыри использован один и тот же инициал, очевидно, являющийся повторением буквы в Триоди Цветной. См.: Немировский Е. Л. Возникновение книгопечатания в Москве. С. 246.

а также в заблудовском издании Учительного Евангелия 1568 г.²⁵ Вышесказанное позволяет предполагать, что использование орнаментики, аналогичной рукописной книге, в московских и генетически связанных с ними изданиях ограничивается начальным периодом книгопечатания²⁶, и это тоже свидетельствует в пользу принадлежности досок, с которых печатались инициалы казанского экземпляра службы, к оснащению анонимной типографии еще доказанного ее периода.

Хотя экземпляр К и имеет последний лист отпечатанного текста (Л. 29), не имея при этом начального, судя по знакам филиграней и технологии печати, после него обязательно должен был быть (как это отмечено и для С) еще один — 30 — лист, возможно, пустой. Мастера, работавшие в Казани, настолько прочно хранили, как уже неоднократно подчеркивалось, традиции «анонимных» изданий, что можно предполагать следование им и в данном случае. Функционирование тиражируемых здесь текстов не предполагало и не нуждалось в подчеркивании авторитета типографии, да у казанской печатни, в отличие от московской, его, очевидно, пока и не могло быть. Не было в это время, если судить по памятникам «анонимной» печати, представления о какой-то особой ответственности печатника, отличной от ответственности книгописца, нередко завершающего книгу не сведениями о себе, а молитвой к Господу и просьбой к читателям исправлять допущенные погрешности, а не проклинать допустивших эти погрешности печатников. Поэтому важнейший вопрос о датировке второго издания может быть решен так же, как и для первого, — с обязательным учетом исторической обстановки, но в основном на основании филиграней использованной для издания бумаги.

Обнаруженный в Казани памятник состоит из пяти тетрадей: первые три имели по восемь листов каждая, четвертая тетрадь, очевидно, — четыре, а последняя — минимум два листа. Этот несколько необычный состав тетрадей подтверждается единством филиграней на листах: 3 и 6, 10 и 15, 12 и 13, 18 и 23, 19 и 22, 25 и 28. Фрагмент знака на л. 8, очевидно, имел продолжение на утраченном первом листе Службы. На сохранившихся 28 листах казанского экземпляра просматриваются фрагменты трех различных филиграней:

1) Соединение латинских букв F и S под короной в известных справочниках не встречается. Такое сочетание литер имеется только на литовской бумаге середины XVII в. — в этом случае при знаке, изображающем дубовое дерево с желудями, на постаменте помещены буквы F и S²⁷. Близкий знак из сочетания двух букв под короной (но первая из них P, а не F) отнесен Ш.-М. Брике к 1604 г.²⁸

2) «Ветка с желудями». Знак отнесен в справочниках к бумаге, произведенной в Любеке, и датируется у Брике 1595 г.²⁹

3) Польский герб «Любеч» (крест, вписанный в подкову под крестом) в картуше. По рисунку знак полностью совпадает с помещенными в альбомах И. М. Каманина, О. И. Ветвицкой³⁰ и О. Я. Мацюка³¹, в обоих справочниках он датируется 1596 г. О. Я. Мацюк относит бумагу с этой филигранью к бумажной мельнице в Бужске, одной из старейших на Украине, с которой имели

²⁵ Помещен на л. 1 второго счета. См.: Запаско Я. П., Исаевич Я. Д. Видання Івана Федорова. Львів, 1983. С. 51.

²⁶ Особняком стоит случай употребления в виленском издании Служебника пяти инициалов тератологического стиля, достаточно близких к рукописным образцам XIV в. (см.: Зернова А. С. Типография Мамониной в Вильне (XVII в.) // Книга: Исследования и материалы. М., 1959. Сб. I. С. 214–216). Иначе обстояло дело в южнославянских, валахских и трансильванских типографиях XVI в. — там традиционный балканский плетеный орнамент широко употреблялся в изданиях наряду с использованием европейских образцов (см.: Медаковић Д. Графика српских штампаних книга XV–XVII века).

²⁷ См.: Laucevicius E. *Papir in Lithuania in XV – XVIII*. С. II, I. Vilnius, 1967. № 647 (1750–1752).

²⁸ Briquet С.-М. *Les Filigranes*: 1907. № 9698 (Оснабрьск).

²⁹ Там же. № 7439.

³⁰ Каманін І., Вітвицька О. Водяні знаки на папері українських документів. Київ, 1923, № 70.

³¹ Мацюк О. Я. Папір та філіграні на українських землях (XVI — початок XX ст.). Київ, 1974. № 308.

связи Иван Федоров и его сын Иван Друкаревич и продукция которой широко расходилась по украинским и белорусско-литовским землям³².

Нет никаких оснований относить издание К ко времени позднее дат филиграней, апеллируя к возможной залежности бумаги. Напротив, редкое совпадение вариантов знаков в памятнике и альбомах, «единодушие» справочников в их датировке, равно как и особенности печати, не позволяют отнести К даже к самому началу XVII в., но вполне соответствуют даже середине 90-х г. XVI в.³³

Такая датировка прекрасно укладывается и в хронологические рамки, диктуемые свидетельствами документов Сольвычегодского Благовещенского собора, то есть, как уже было замечено выше, и это второе издание Службы Казанской иконе Богоматери могло быть упомянуто в Сольвычегодской описи.

Прежде чем вновь обратиться к проблеме казанской типографии и ее изданий, следует закончить рассмотрение истории экземпляра К. Данных о его судьбе сохранилось гораздо больше, чем в случае с С. Как и С, экземпляр издания К сохранился в составе конволюта, но его появление в сборнике, в отличие от Синодального, носило отнюдь не случайный характер; кроме того, в отличие от С, К является самой ранней частью сборника. Брошюра открывает конволют, в котором за нею следуют Сказание («Слово») о явлении Казанской иконы, составленное в 1594 г. митрополитом Гермогеном (Л. 29–59 об.), службы Прокопию и Иоанну устюжским, их жития и чудеса. Рукописная часть сборника-конволюта (всего в нем 190 л.) написана разными руками на различной бумаге рубежа XVI–XVII в., но преимущественно уже начала XVII в. (1602–1610). Сборник позволяет доказательно говорить об объединении всех текстов и создании конволюта только в XVIII в., но скорее оно произошло значительно раньше, еще в XVII столетии. Если С достаточно долго существовал самостоятельно, то в казанский конволют, судя по виду экземпляра, К попал достаточно рано, хотя отсутствие в нем начального и конечного листов не позволяет говорить об этом с полной убежденностью. По состоянию второго листа издания очевидно, что первый лист был утрачен уже в то время, когда Служба входила в конволют. Последний же лист, если он был чистым, мог быть изъят как «лишний» уже при составлении сборника (что, в свою очередь, может служить косвенным аргументом в пользу того, что последний лист был без текста). К сожалению, в казанском памятнике утрачены не только эти листы, но и переплетные, сорвана обклейка крышек, т. е. пострадали все те места, где обычно располагаются записи и пометы, проливающие свет на историю кодекса. Неизвестно также ни происхождение книги, ни время ее поступления в музей. К счастью, на листах самого издания сохранились несколько записей, которые и позволяют установить несколько вех в судьбе экземпляра.

Так, на Л. 1–8 конволюта (Л. 2–9 первоначального счета издания) сохранилась владельческая запись, написанная достаточно индивидуальной скорописью. Очевидно, начало записи, скорее всего, слово «Сия» (или «Сия святая и боговдохновенная») находилось на первом, утраченном листе. Сохранившийся текст гласит: «... кн(и)га / Луже / цког(о) м(о)н(а)ст(ы)ря / что в Мо / жаискѣ»³⁴. По палеографическим приметам (В в виде современной строчной буквы — не в лигатуре ІВ, а при самостоятельном употреблении; М в виде современной прописной; Т без крышки, в виде латинского строчного М) запись можно датировать последней четвертью или концом XVII в.³⁵, при допущении же, что это старческий почерк, не исключена и первая четверть XVIII столетия.

³² Там же. С. 29, № 12.

³³ К этой датировке присоединилась и А. А. Гусева, которую авторы искренне благодарят за консультацию.

³⁴ Последняя буква написана неясно, возможно и чтение «в Можайску».

³⁵ См., например, такие начерки у Сильвестра Медведева (1685 г.) — Протасьева Т. Н. Описание рукописей Синодального собрания. Ч. II (№ 820–1051). С. 155.

Полистная запись, таким образом, зафиксировала местонахождение экземпляра Службы (или всего конволюта) около столетия спустя после издания. Поскольку владельческая запись могла быть сделана не сразу по поступлении книги, более точно датировать начало «Можайского периода» бытования книги невозможно. В древнейшей, достаточно подробной и обстоятельной в отношении библиотеки, описи монастыря, включенной в писцовую книгу Можайска с уездом, составленную в 1591–1595 г.³⁶, Служба, естественно, не фигурирует — даже к окончанию переписи она, возможно, еще не была напечатана. Но в К имеется несомненное, хотя и косвенное указание, что какое-то время спустя после выхода экземпляр Службы находился в типографии (неясно лишь — в Казани или же в Москве — и сколь долго). На л. 15 об. — 29 в К (Л. 14 об. — 28 по современному счету) имеются многочисленные типографские исправления. За исключением одного случая (Л. 17 по современному счету, о чем ниже) они совершенно единообразны. Это парные горизонтальные черты (знак равенства), достаточно жирно проведенные пером. Знак этот находится на внешнем и на внутреннем поле листов, а также в пробелах между словами. Он разделяет между собой песнопения (прежде всего тропари канона, не имеющие заголовков). То обстоятельство, что правка-разметка целиком сосредоточена во второй части Службы, содержащей канон и стихиры праздника, может иметь лишь одно объяснение. Разметка не связана с выравниванием конца строк, иначе непонятно ее отсутствие в первой половине Службы. Равным образом она не может отмечать предполагаемое введение дополнительных текстов второго канона в готовящееся издание, поскольку второй канон включается либо как единое целое вслед за первым, либо перекрестно, но параллельно помещаются целые песни канонов (с общими или отдельными ирмосами), но не отдельные тропари. Поэтому наиболее вероятная цель разметки в К — ввести более четкое разделение песнопений, которое в новом издании могло быть достигнуто за счет унифицированных и бросающихся в глаза знаков препинания. Относительно времени разметки могут быть два, по сути, равноправных предположения. Первое: экземпляр К служил оригиналом для подготовки третьего отдельного издания службы в Казани, не дошедшего до нас, неизвестного в настоящий момент или так и не осуществленного. Вторая возможность: сохранившийся экземпляр К послужил оригиналом для набора текста Службы в июльской Минее, вышедшей 8 февраля 1629 г. в Москве³⁷. Правда, во втором случае оказывается (как увидим ниже), что К дважды, при этом со значительным хронологическим разрывом, побывал на Московском печатном дворе (или по соседству с ним) или находился там значительное время (но как тогда быть с Можайским монастырем?). Впрочем, на фоне возвращения экземпляра Службы на место издания через два с половиной века после события, такая возможность не кажется невероятной.

Единственное слово, вписанное одновременно с разметкой, не добавляет каких-либо аргументов в пользу выбора одного из этих вариантов. В тексте седальна (Л. 17) во фразе: «Б(о)ж(е)ственѣи Ти поклонѣмса иконѣ просѣще ѿм Тебе великіа м(и)л(о)сти» между словами «Тебе» и «великіа» над четвертой снизу строкой вписано слово «прияті»³⁸. Вставка сделана беглым полууставом (или отдельной скорописью), но для датировки по палеографическим признакам число знаков явно недостаточно — в равной мере приписку можно датировать и концом XVI в. (ср., например, почерк митрополита — будущего патриарха — Гермогена в его автографе Сказания о Казанской иконе 1594 г. — ГИМ. Син. 982³⁹) и 1620-ми годами.

³⁶ См: Писцовые книги Московского государства. СПб., 1872. Ч. 71. Отд. I. С. 645–647.

³⁷ Зернова А. С. Книги кирилловской печати, изданные в Москве XVI–XVIII вв. С. 72.

³⁸ Слово можно читать и «прияті», где а йотованное передано как а с небольшим крючком сверху, и «приати».

³⁹ Образец почерка см.: Сказание о чудотворной Казанской иконе пресвятыя Богородицы / Факсимильное изд., с предисловием А. И. Соболевского. М., 1912; а также: Протасьева Т. М. Описание рукописей Синодального собрания. М., 1970. Ч. I (№ 577–819). Илл. I. Сопоставление почерка правки с почерком святителя Гермогена не означает, разумеется, ее атрибуции этому иерарху, а вызвано исключительно причинами датировки.

Наконец, о судьбе всего конволюта в XVIII в. позволяют сделать предположения пробы пера на обороте л. 125. Они написаны двумя или тремя почерками середины XVIII столетия, восходящими к курсивным почеркам конца XVII в.⁴⁰ Все они, кроме второй, по содержанию принадлежат к числу широко распространенных в XVII–XVIII в. читательских приписок. Верхняя из них гласит: «Кто тѣ можетъ убѣжати, смерътны час»; она повторена ниже другим почерком, с отличиями в употреблении выносных. Еще ниже этим вторым (или близким) почерком приписано: «Призави Мя в д(е)нь пачали твоея, избавлю тя, і праславиши Мя». Заметное «аканье» указывает на южновеликорусское или южное средневеликорусское, возможно, московское, происхождение писца. Между двумя записями о смертном часе читается еще одна, совсем иного характера, сделанная первым почерком: «Копия. / Школь и типографѣи / Протекторъ». Почти невозможно представить, чтобы в середине XVIII в. подобная запись могла быть сделана кем-либо, кроме лица, связанного со Славяно-Греко-Латинской Академией, располагавшейся в Заиконноспасском монастыре, по соседству с Синодальной типографией, как стал называться в XVIII в. Печатный двор.

Возможно, косвенно эта проба пера свидетельствует о времени и обстоятельствах возвращения Службы (в составе конволюта) в Казань. Хотя выше уже говорилось, что владельческие пометы из-за утраты начала Службы и припереплетных листов книги отсутствуют, однако известно, что собрание, в котором она хранится, составлено из книг библиотек монастырей Казанской епархии⁴¹. Между тем в третьей четверти XVIII в. по меньшей мере двое из префектов Академии стали настоятелями здешних монастырей: Геннадий Халчинский (или Халчковский) в 1760 г. стал архимандритом Вознесенской Седмиезерской пустыни (в 1764–1765 г. он — архимандрит Раифской пустыни)⁴², а Иероним Фермаковский (также из префектов Академии) — в 1766 г. даже архимандритом Спасо–Преображенского монастыря (в 1767–1770 г. Иероним — уже архимандрит Свяжского Богородицкого монастыря)⁴³. С кем-то из них или из их свиты книга могла проделать путь от Москвы до Казани (датировка проб пера такой вероятности не противоречит).

Сопоставление двух изданий Службы Казанской иконе — С и К, — вышедших с хронологическим разрывом около десятилетия, наглядно убеждает в том, что они набирались и печатались разными мастерами. Прежде всего на это указывают различия в технических приемах и неоднородность типографских погрешностей. Невозможно представить, чтобы печатник С, научившись с течением времени решать проблему отмарок пробельного материала, одновременно разучился выключке строк — приему, которым в первом издании он владел вполне профессионально. Не исключено, что между 1589 и 1600 г. в казанской печатне произошла смена поколений, во всяком случае, это вполне вписывается в картину ухода со сцены зачинателей московского книгопечатания: Иван Федоров умер в 1583 г., Андроник Тимофеев Невежа — в 1602. Вполне возможно и то, что типография в Казани работала эпизодически и для этого приглашали разных мастеров.

Безымянностью своих изданий Казанская типография вновь переключается (треть века спустя) с первыми московскими изданиями. В условиях анонимности книгопечатания и в силу плохой сохранности документальных источников XVI в. ряд изданий и несколько имен печатников, которые

⁴⁰ В целом почерки имеют мало надежно датирующих признаков, датировка их указанным временем основана на отсутствии, с одной стороны, архаических начерков, свойственных XVII в., а с другой — на отсутствии следов влияния образцовых прописей последней четверти XVIII в.

⁴¹ См.: Рогов А. И. Русские рукописи Государственного музея Татарской АССР в Казани. С. 311–312.

⁴² Строев П. М. Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. СПб., 1877 (репринт — Кельн; Вена, 1990). Стб. 304, 300.

⁴³ Там же. Стб. 295, 292.

мы знаем, существуют как бы независимо друг от друга. В середине XVI в. характерный пример этого — Маруша Нефедьев, о котором известно лишь, что он «мастер книг печатного дела» (трудно сказать даже, каково его полное крестильное имя: Мар, Мариав, Мариан, Марий, Марин, Марой, Маруф)⁴⁴. Если не будет счастливого случая, мы так и не узнаем, чем занимался Андроник Тимофеев между 1568 и 1577 г. и между 1580 и 1587 г., но, как бы то ни было, столь опытный мастер никак не мог быть «автором» Казанского издания службы.

Имеется такой «бесхозный» печатник и для времени, близкого к изданию (по крайней мере, первому) Службы Казанской иконе. В записях «новых чудес» от мощей Евфросинии Суздальской в Ризположенском монастыре Суздаля, датируемых 1580-ми годами, есть свидетельство об исцелении «мастера печатных книг» Ивана Иванова сына Прянишника⁴⁵. Чудо достаточно надежно датируется 8 октября 1582 г., а включение краткой редакции «новых чудес» в Чудовские Минеи Четвы, написанные в 1600 г., не оставляет сомнений в том, что свидетельство практически современно событиям⁴⁶.

Запись сообщает об интересующем нас персонаже одновременно и мало и много: в ней опущен почти обязательный компонент — указание на место (город, село), откуда пришел исцеленный; но указано место его рождения — Тверь. Весьма любопытно также, что в период с 1580 по 1587 г., для которого не сохранилось каких-либо свидетельств о книгопечатании, человек тем не менее мог осознавать себя и аттестоваться «мастером печатных книг». При современном уровне наших знаний мы можем предполагать, что мастерству книгопечатания он обучался по меньшей мере в слободской типографии, если не ранее. И, наконец, момент, представляющий интерес для истории предпосылок российского книгопечатания. Прозвище мастера прозрачно указывает, по крайней мере, на профессию отца. Как кажется, пряничное дело не фигурирует в числе материально-технических предпосылок книгопечатания в России, хотя трудно указать (наряду с набойкой) более близкий аналог типографской ксилографии, чем пряничные доски, известные с XVI в.⁴⁷ Разумеется, участие Ивана Прянишника в работе возрожденной казанской типографии ничем не может быть доказано (впрочем, равно недоказуемо и обратное). Разумеется, можно было бы апеллировать к тверским корням и связям первых представителей казанской иерархии⁴⁸, но этот аргумент, убедительный

⁴⁴ См.: Словарь книжников и книжности древней Руси. Л., 1989. Вып. 2 (вторая половина XIV–XVI в.). Ч. 2 (Л–Я). С. 108.

⁴⁵ Текст сохранился в двух редакциях — краткой (ГИМ. Чуд. 307, 1600 г. Минея четвь «Чудовская» на сентябрь. Л. 617) и пространной, литературно обработанной (ГИМ. Увар. 355–1°. Перв. четв. XVII в. Л. 209–209 об.; РГБ. Собр. Овчинникова. № 259. сер. XVII в. Л. 180). Приведем эти небольшие тексты полностью: «О(к)тебря в 8 день простила преподобная человека, родом тверитина, печатнаго книжнаго мастера Ивана. Бысть глаз его болен правой, голову ломило, и приложися на молебне у гроба чудотворныа и бысть здрав» (Чуд. 307. Л. 617); «Чудо 60 преподобныа Еуфросинии о человеце болящем. Месяца октября в 8 день ко благоверней княжне и преподобной Еуфросинии приходил молитися в монастырь Пресвятыа Богородица книжнаго печатнаго дела Иван Иванов сын Пряничник, (а) родом тверитин. И быше он зело, вельми зело правым оком, и от того же ока боляше, и главу ему ломиша. И паки ж приложися ко гробу преподобныа Еуфросиния, и в том часе бысть здрав, яко ничто же пострада. И по том отыде в дом свой, радуяся». (Увар. 355–1°. Л. 209–209 об.). Избыток информации пространной редакции — отчество и прозвище мастера — восходит, вероятнее всего, к монастырскому синодику или вкладной книге, во всяком случае, он не выходит за пределы сведений, сообщаемых подобными источниками. Авторы пользуются случаем выразить признательность Ю. А. Грибову, указавшему им на существование краткой редакции чудес Евфросинии Суздальской и ранний список пространной редакции.

⁴⁶ Чудо о Иване Пряничнике содержит указание лишь на день и месяц события. Однако, учитывая выдержанную хронологическую последовательность записи («летописи») чудотворений и то обстоятельство, что чудо 58 датировано 24 июня 1582 (7090) г., а чудо 69 — 26 мая 1583 (7091) г., чудо 60 надежно датируется 8 октября 1582 (7091) г.

⁴⁷ См.: Немировский Е. Л. Возникновение книгопечатания в Москве. С. 104–109.

⁴⁸ Известно, что первым казанским архиепископом был Гурий Руготин (канонизирован в 1595 г.), до того игумен Троицкого Селижарова монастыря (Строев П. М. Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. Стб. 287). Сменивший его Герман Садырев (канонизирован тогда же) до настоятельства в Свяжском монастыре в 1555–1564 г. был игуменом Успенского Старицкого монастыря (Там же. Стб. 287). Третий и пятый казанские архиепископы — Лаврентий (1568–1574) и Тихон (1575–1576) были до этого игуменами Иосифо-Волоколамского монастыря (Там же), в XV–XVI в. также достаточно тесно связанного с Тверью.

для 1550-х—1560-х годов, едва ли сохраняет значение для 1580-х—1590-х. Более важно в этом смысле другое. Свидетельство «чуда» Евфросинии Суздальской в сочетании с сохранившимися «казанскими тетратями» лишний раз напоминает, что история российского книгопечатания в первые полстолетия его существования отнюдь не исчерпывается полуофициальной версией «Сказания известна о воображении книг печатного дела». По крайней мере, часть людей, прошедших выучку в анонимной типографии, печатнях Ивана Федорова, Никифора Тарасиева и Андроника Невежи, вынужденно оставшись не у дел, сохранила тем не менее навыки, и при благоприятных условиях (как показывает опыт самого удачливого из этих печатников — Андроника Тимофеева) могла вновь обратиться к освоенному некогда ремеслу. В то же время окказиональный характер книгопечатания между 1568 и 1588 г., отсутствие общения на практической почве между мастерами различной выучки должны были способствовать консервации полиграфических приемов, выработанных в начале деятельности каждого из них. Вероятно, этим и объясняется возрождение в Казани архаичных приемов середины XVI в. треть столетия спустя.

За полудетективными перипетиями выяснения обстоятельств деятельности загадочной типографии и розыска уникальных в полном смысле экземпляров ее продукции нетрудно упустить из виду беспрецедентный характер издания. Общеизвестно, что продукция российских печатников до второй четверти XVII в. состояла из литургических книг и книг для обучения вере и грамоте⁴⁹. В этом смысле казанские издания находятся вполне в русле традиции. Однако практика издания отдельной службы святому или иконе совершенно не типична как для периода XVI — первой четверти XVII в., так и для более позднего времени. Ни одна из чтимых святынь Московского царства, включая главную — чудотворный Владимирский образ Богородицы — не удостоилась такой чести. Единственный (позднейший) аналог Казанскому изданию — служба в честь принесения в Москву одной из известнейших христианских святынь — Ризы Господней, напечатанная в Москве в 1625 г. Тираж вышел до 13 ноября 1625 года, т. к. этим днем датирован документ Архива Приказа книгопечатного дела, что в переплете находится 91 экземпляр службы⁵⁰. Этот пример как нельзя лучше подчеркивает значение, которое в XVI в. придавалось Казанской иконе. Кстати, это единственный памятник русской гимнографии до XVII столетия, который не имеет сколько-либо заметной рукописной традиции, предшествующей изданию.

Вопрос об авторстве Службы остается открытым. Естественно было бы считать ее создателем патриарха Гермогена, чья жизнь и судьба теснейшим образом связаны с этой чудотворной иконой, написавшего в 1594 г. Сказание о явлении и чудесах Казанского образа (как уже было сказано, список Сказания вошел в казанский конвюлот сразу за экземпляром Службы). Однако нельзя не заметить существенной разницы между Службой и Сказанием. В отличие от Сказания, имеющего устойчивое надписание имени автора в заглавии, Служба Казанской иконе и в изданиях, и в богатейшей более поздней рукописной традиции (XVII–XIX в.) столь же устойчиво анонимна. Даже слава патриарха Гермогена как мученика за веру и оплот церкви и государства в Смутное время не породила у его младших современников стремления связать Службу с его именем. Очевидно, что стилистический анализ (сопоставление со Сказанием) в данном случае ненадежен, поскольку Гермоген не мог не знать Службы. Если сомнения могут возникнуть относительно авторства Службы, то инициатива ее создания, безусловно, принадлежит первому казанскому митрополиту, что подтверждает и вышеаргументированная датировка изданий. Даже беглое

⁴⁹ См.: Киселев Н. П. О Московском книгопечатании XVII века // Книга. Исследования и материалы. М., 1960. Сб. 2. С. 123–137; Поздеева И. В. О московском книгопечатании первой половины XVII в. // Вопросы истории. 1990. № 10. С. 147–158.

⁵⁰ Новые материалы для описания изданий Московского печатного двора XVII века. В помощь составителям Сводного каталога старопечатных изданий кирилловского и глаголического шрифтов. Методические рекомендации. Сост. И. В. Поздеева. М., 1986. № 27.

обращение к тексту Службы (особенно в печатном виде) вновь заставляет вспомнить о судьбе и связях казанской типографии. Как и сама печатня, Служба в определенном смысле принадлежит двум эпохам, прежде всего она тесно связана с событиями середины XVI в. — временем присоединения Казанского ханства. Ключ к пониманию этого дает выбор паремийных чтений Службы. Первое взято из главы 28 Книги бытия, в которой Иову дается обетование «И будет семя твое как песок земный и распространится до моря». Второе чтение взято из 43 главы Книги пророка Иезекииля и еще более четко формулирует основную идею, ибо в нем идет речь «о вратах святых, зрящих на Восток». Совершенно очевидно, как должна была восприниматься и воспринималась в реальности Служба в самой Казани, да и во всей России в годы, когда присоединение народов, «живущих на Востоке», и их христианизация были целью как государства, так и церкви. Если добавить к этому, что в песнопениях Службы новоявленная икона сравнивается со скинией Моисея, а значение ее для христиан определяется даже «паче» ковчега Завета, то становятся абсолютно ясными цель выбора и смысл ветхозаветных чтений, которые определяли и освящали, обещали и обеспечивали путем искренней молитвы заступничество и поддержку Богоматери политическому и конфессиональному движению на Восток.

В свою очередь, историческая ситуация в России и роль Казани в годы явления чудотворной иконы, столь четко выраженные в посвященной ей Службе, сделали Казанскую икону Богоматери одной из важнейших российских святынь. Все это и продиктовало необходимость создания друкарни в главном городе созданной в 1555 г. епархии, ориентированной далеко на Восток — «до моря». Задача эта, очевидно, могла быть выполнена уже в 60-х г. XVI, что подтверждает использование в первом издании тетрадей старой бумаги.

Однако говорить доказательно о времени деятельности типографии можно не ранее рубежа 1570—1580-х г., когда, с точки зрения Горского и Невоструева, могло появиться первое издание Службы. Как было сказано выше, А. А. Турилов датирует его 1589—1590 г. Был ли столь долгим перерыв в издательской деятельности Казанской штанбы или результаты ее первоначальной деятельности поглотило время, ответить невозможно, но к середине 90-х г. печатня, несомненно, или была возрождена, или в ней сменился состав работников, вынужденных заново самостоятельно осваивать книгопечатное мастерство.

Таким образом, казанская штанба реально и не раз использовалась для выполнения задачи прославления нового палладиума, призванного объединять и охранять русское государство.

Не был безвозвратно утрачен и опыт дофедоровских русских типографий — их шрифты и их традиции продолжали, по крайней мере, полвека служить России. И у нас нет основания сомневаться, что если не инициатором, то активным действующим лицом при создании казанской штанбы и при издании Службы был первый казанский митрополит, а затем патриарх всея Руси, один из активнейших организаторов борьбы за освобождение страны от захватчиков, мученически отдавший за это жизнь святитель Гермоген⁵¹. Издание Службы Казанской иконе знаменует этап упрочения ее культа в качестве общегосударственной святыни.

Другими составляющими этого процесса являлись распространение на Руси списков новоявленного образа и прославление некоторых из них, в свою очередь, в качестве чудотворных

⁵¹ Символично, что одной из последних грамот патриарха Гермогена, выданных до низложения Василия Шуйского, была грамота от 28 июня 1610 г., разрешавшая спор между ярославцами и романовцами по поводу того, где должен находится чудотворный список Казанской иконы (так называемая Казанская-Ярославская), прославившийся еще в 1588 г., но особенно в 1610 г. при защите Ярославля от тушинцев. (см.: Турилов А. А. Малоизвестные памятники литературы ярославской XIV — начала XVIII вв. (Сказания о ярославских иконах) // Археографический ежегодник за 1974 г. М., 1975. С. 173—174).

уже с 1580-х г. (случай в истории чудотворных икон России также беспрецедентный⁵²). Поэтому роль общероссийского палладиума была уготована Казанской иконе задолго до Второго ополчения. Дополнительным стимулом в 1612 г. явилось то обстоятельство, что образ оказался единственной святыней такого масштаба на территории, не контролируемой интервентами. Так или иначе, но именно эта икона, неразрывно связанная с именем Гермогена, стала вдохновительницей и знаменем русского ополчения, символом победы 1612 г.

Святой Гермоген родился около 1530 г.; в качестве священника церкви Николая чудотворца он принимал участие в событиях явления иконы и сам впервые перенес ее в храм; в 1591 г. именно св. Гермоген собирает и поучает всех новокрещеных, в 1594 г. составляет Сказание об иконе. Именно личность Гермогена, фактически всю жизнь прожившего в Казани, активного духовного учителя и пастыря, позволяет предполагать, что едва ли деятельность казанской друкарни ограничивалась только изданием Службы новообретенной иконы. Если бы это было так, то едва ли бы было необходимо приписывать место печати к указанию о вкладе «тетратей» в монастырь.

О тиражах обоих изданий казанских «тетратей» мы можем только догадываться, т. к. вывод об их незначительном количестве на основании отсутствия сохранившихся книг сделать невозможно, ведь список вышедших даже в XVII в. в Москве изданий громаден⁵³. Причиной исчезновения изданий книг для обучения (Азбук, Часовников, Учебных псалтирей) было во многом их частое употребление. Однако полностью утрачены экземпляры и таких изданий, как отпечатанный тройным тиражом (3600 экз.) Чин вечерни 1647 г., Чин на омытие святых мощей 1624 г., Святцы 1628 г., Канон Николаю Чудотворцу 1647 г. и более двух сотен иных московских изданий XVII в.⁵⁴ Едва ли причиной исчезновения казанских тетрадей стал и выход на Московском печатном дворе 8 февраля 1629 г. июльской Минеи с более полным текстом Службы, т. к. служащие в церкви люди, как правило, предпочитали и предпочитают иметь отдельную книгу со службой праздника. Скорее, можно объяснить исчезновение экземпляров казанских изданий теми же причинами, которые это издание и породили. Как уже говорилось, Служба Казанской чудотворной иконе была издана прежде всего для вновь открываемых церквей в восточных и южных областях государства, где они еще долго подвергались гораздо большей опасности, чем в России центральной. Однако характер издания и неполнота Службы заставляет предполагать, что казанские издания в центральных регионах уже в XVII в. могли сохраниться лишь случайно (в этом смысле показательно, что обнаруженные экземпляры обоих изданий входят в состав конволютов). Хотя именно в центральной России сохранилось еще одно упоминание об экземпляре одного из казанских изданий. Оно находится в описях 1650 и 1660 г. библиотеки Суздальского Спасо-Евфимиева монастыря⁵⁵ (в отличие от Сольвычегодской описи место издания здесь не указано).

В настоящее время невозможно доказать, что книгопечатание в Казани продолжалось и позднее. Исследователи, писавшие о казанских тетрадях, высказывали мнение, что продукция

⁵² Например, в Старицком Успенском монастыре (обители, отмеченной вниманием трех царей — Ивана Грозного, Федора Ивановича и Бориса Годунова — и патриарха Иова, бывшего в 1569–1581 г. ее настоятелем) в 1607 г. было шесть списков Казанской иконы, из них два в составе выморочного имущества первого патриарха (Описные книги Старицкого Успенского монастыря 7115–1607 гг. Старица, 1912. С. 23, 26, 75). Прославление списков с иконы как самостоятельных чудотворных образов началось не позднее 1588 г., менее десятилетия спустя после ее явления (см. примеч. 106).

⁵³ Гусева А. А. Список разыскиваемых изданий XVII в., не вошедших в Сводный каталог А. С. Зерновой «Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI–XVII веках» // Работа с редкими и ценными изданиями. Идентификация экземпляров московских изданий кирилловского шрифта 2-й половины XVI–XVIII вв. Методические рекомендации. Сост. Гусева А. А. М., 1990. С. 79–94.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ См.: Шляпкин И. А. Описание рукописей Суздальского Спасо-Евфимиева монастыря. СПб., 1881. С. 72; Тихомиров К. Опись книгам, хранившимся в суздальском Спасо-Евфимиевом монастыре в 1660 г. // Временник ОИДР. М., 1850. Т. V. С. 50.

местного печатного двора, в том случае, если она существовала, ограничивалась малообъемными изданиями, до нас не дошедшими⁵⁶. Скорее всего, неизвестными и сегодня изданиями типографии могли быть книги, используемые для обучения грамоте и вере — Азбуки и Часовники, даже более поздние московские издания которых почти целиком или в значительной степени поглотило время. Казанские печатные книги были предназначены и реально, очевидно, почти все уходили через «восточные врата» государства в земли далеко не мирные, где, естественно, могли и должны были подвергаться гораздо большей опасности и гибели.

В пользу того, что типография действовала и на рубеже XVI–XVII в., свидетельствует, возможно, известие Пискаревского летописца под 7109 (1600–1601) г.: «Того же году повелением царя и великого князя Бориса Федоровича печатали книги: еуангелья, апостолы, псалтыри, часовники, минеи общие, треоди посные и цветные, служебники; и печатаны в разных городех»⁵⁷. Есть и еще одно, правда, очень позднее и хронологически не определенное свидетельство о книгопечатании в Казани. На одной из рукописей Белокриницкого собрания БАН имеется запись 1868 г., что она «выменена» на «Благовестник казанской печати»⁵⁸. Что здесь имеется в виду: издание казанской типографии конца XVI — начала XVII в. или же старообрядческая перепечатка XVIII–XIX столетий? Характер издания заставляет предпочесть вторую версию. «Благовестник» (т. е. Толковое Евангелие Феофилакта Болгарского) — одна из самых больших по объему кириллических печатных книг, ему трудно было бы затеряться и не привлечь внимания библиофилов. Конечно, имеется немало примеров того, что ряд отечественных изданий XVI в. большого объема дошел в единичных дефектных экземплярах (как та же анонимная Триодь цветная), либо известен лишь в списках и по упоминанию в описях (слободской Апостол 1574 г.), но Толковому евангелию нет места в издательской программе московских печатников XVI — первой четверти XVII в. (напомним, что в Москве оно впервые было напечатано в 1649 г.). В любом случае ясно, что казанский период деятельности анонимной типографии нельзя сравнивать по продуктивности с московским, не говоря уже о работе Московского печатного двора в конце XVI — начале XVII в. Но это отнюдь не исключает возможности находок ее изданий в будущем. Ведь сказано в Писании: «ищите и обряцете» — будем надеяться, что рано или поздно мы сможем сделать еще один шаг в раскрытии тайн раннего российского книгопечатания.

⁵⁶ Немировский Е. Л. Заметки о славянском старопечатании. С. 105–106; Рогов А. И. Книгопечатание. С. 158.

⁵⁷ ПСРЛ. М., 1978. Т. 34. С. 203. Нет, однако, уверенности, что здесь не ошибка писца: «городех» вместо «годех», поскольку в 1600–1601 г. на Печатном дворе в Москве вышли в свет лишь Часовник и два издания Минеи общей (Зернова А. С. Книги кирилловской печати, изданные в Москве XVI–XVIII вв. № 15–17); остаток перечня слишком велик для одного года работы даже нескольких типографий. Вероятнее всего, текст подводит итоги издательской деятельности в царствование Бориса Годунова, и под 1600–1601 г. помещен произвольно. Аналогом ему служит известие после рассказа о смерти и родословии царя Федора Ивановича в том же Пискаревском летописце: «Повелением царя и великого князя Федора Ивановича всеа Русии во 100-м году и в ыных годех печатаны книги: евангилия, апостолы, псалтыри, часовники, охтан, минеи общия, служебники, треоди посныя и цветныя» (ПСРЛ. Т. 34. С. 200).

⁵⁸ Бубнов Н. Ю. Мартынов И. Ф. К истории библиотеки Белокриницкой старообрядческой митрополии // Археографический ежегодник за 1972 г. М., 1974. С. 268.